

Зайцев, Д.В.
аспирант БГЭУ
Научный руководитель: Н.Е. Аблова

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ «БАРХАТНЫХ» РЕВОЛЮЦИЙ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В КОНЦЕ 1980-Х ГГ.

В конце 1980-х гг. во многих странах Центральной и Юго-Восточной Европы (далее – ЦЮВЕ) произошли революции, известные в литературе как «бархатные», потому что в большинстве стран завершились посредством переговорного процесса. Исследователи изучают разные аспекты этого феномена в истории, и особый интерес представляет изучение экономической ситуации, которая вынудила «народно-демократические» режимы вступить в переговоры с западными странами и собственной оппозицией. Здесь и далее под «народной демократией» понимается тип политического режима, для которого характерны геополитическая ориентация на СССР, сохранение некоммунистических партий при ведущей роли коммунистов, а также форма парламентских республик с широкими полномочиями, как правило однопалатного, представительного органа и особой ролью политических институтов типа «народный фронт». Большинство стран ЦЮВЕ со второй половины 1940-х гг. и до 1989 г. относились именно к «народным демократиям».

Польша и Венгрия на пороге преобразований причислялись к государствам ЦЮВЕ, имеющим наиболее высокие долги, а Чехословакия и Румыния, напротив, имели относительно небольшие долги. По характеру же развития революционных процессов эти страны сгруппировались иначе. Чехословакия с небольшим внешним долгом по сценарию революции оказалась ближе к Венгрии с большим внешним долгом, чем к Румынии, у которой почти не было долгов. Для того, чтобы эта ситуация не показалась парадоксом, необходимо систематизировать несколько групп данных с помощью таблицы, которая бы продемонстрировала более подробную картину состояния экономик стран региона в 1989 г.

Положение экономик стран Центральной и Юго-Восточной Европы в 1989 г.

Страна	Абсолютный размер общей задолженности (млрд. долл. США)	Размер общей задолженности в расчёте на душу населения (долл. США)	ВВП в текущих ценах на душу населения (долл. США)	Структура производства (доля ВВП, %) Сельское хозяйство / промышленность / сфера услуг и прочее	Индекс заработной платы, скорректированный на индекс инфляции (1987 г. – 100)	Сальдо бюджета в ВВП, %	Темпы роста национального дохода, % к 1988 г.
Болгария	10,0	1149	2350	11 / 52 / 37	106,6	-1,4	0 – 1,0
Чехо - словакия	7,2	480	3595 -Чех., 3153 - Сл.	10 / 43 / 47 - Чехия, 6 / 53 / 42 - Словакия	102,5	-2,7	1 – 1,5
ГДР	21,7	1312	-	-	-	-	1 – 2,0
Венгрия	19,7	1858	3545	14 / 31 / 42	103,7	-1,3	0
Польша	40,4	1058	1694	13 / 44 / 42	124,7	-7,4	0,2 – 2,2
Румыния	0,2	9	1659	14 / 53 / 33	8,4	101,9	2 – 3,0

Примечание: разработка автора по данным [1, с. 106; 2, с. 8; 3, с. 9; 4, с.231 – 232].

Темпы экономического роста в странах региона сократились с 6,4 % в 1971–1975 гг. до 3–3,2 % в 1986–1990 гг. [3, с. 8], а доля населения с доходами ниже черты бедности в разных странах составляла: в 1987 г. 0 % в Чехословакии, 1 % в Венгрии и 6 % в Польше, а в 1989 г. 2 % в Болгарии и 6 % в Румынии [5, с. 625]. Белорусский историк П.Г. Лукьянов пишет о том, что уровень жизнеобеспечения в большинстве стран ЦЮВЕ к концу 1980-х гг. имел тенденцию к снижению, но не мог быть одним из главных факторов «революционизации» народных масс, и лишь в Румынии и Албании он приблизился к этому [6, с. 28]. И.Г. Ушкалов приводит сведения, что в Румынии в течение 1989 г. население снабжалось продуктами питания в объёмах практически биологического минимума, так как в целях снижения внешнего долга правительство Румынии направляло на экспорт большую часть товаров, прежде всего продовольственных [3, с. 15, 21]. Так румынскому руководству удалось погасить внешний долг, при положительном значении внешнеторгового сальдо, и достичь несколько больших темпов роста экономики страны. Всё это было сделано за счёт обнищания жителей Румынии, что является одной из причин насильственного характера революции в этой стране. Н. Чаушеску пытался избежать кризиса, но в конце 1980-х гг. в стране

всё же стало нарастать оппозиционное движение. Начавшаяся в Румынии революция проходила в самых сложных социально-экономических условиях, что и определило её более опасный характер, нежели у соседей. Представляется, что в отличие от особого румынского случая, для «бархатных» революций характерно опережающее ухудшение макроэкономической ситуации, при менее заметном в момент самих революций обвале социально-экономического положения населения, характерного для обычных революций. В этой связи можно привести слова первого посткоммунистического премьера Венгрии Й. Анталла: «если бы не наступил экономический крах коммунистического режима, коммунисты не уступили бы власть»[7, с. 93]. Советский Союз уже не мог экономически поддерживать режимы «народных демократий», так как сам имел многомиллиардный внешний долг[8, с. 16], поэтому, странам, сориентированным на него, нужен был альтернативный источник помощи. Большинство стран региона находилось в опасной ситуации: за макроэкономической несостоятельностью вскоре мог последовать острый социально-экономический кризис и возникнуть революционная ситуация. Помощь могли предложить западные страны, но только в обмен на политические уступки. В руководстве стран «народной демократии» после начала перестройки в СССР стали проявляться осознававшие это реформистские группы, которые не стали подавлять оппозицию, как это было ранее. Одновременно, так как социально-экономическая ситуация ещё не была критической, в этих странах удалось предотвратить возможные радикальные действия со стороны недовольных слоёв населения.

Как видно из таблицы выше, в странах «народной демократии» аграрный сектор экономики уже не был основным, а сфера оказания услуг стала сопоставимой с долей промышленности в ВВП страны. Это, возможно, является отличительной чертой революционной ситуации накануне «бархатных» революций. Если до этого социальная мобильность происходила в аграрном и индустриальном секторе, то ко времени назревания революций в «народных демократиях» социальная мобильность стала особенно заметна в секторе сферы услуг. Представляется, что более «гладко» революции прошли в тех странах, в которых более 40 % ВВП производилось к тому времени уже именно в сфере услуг, т.е. в той сфере, представители которой в условиях революционной ситуации были менее предрасположены к насильственным действиям, нежели крестьяне или рабочие.

Важную роль в формировании революционной ситуации сыграли надежды и ожидания, сложившиеся в 1980-е гг. под воздействием

«демонстрационного эффекта» западных стандартов жизни, что отмечает Н.В. Коровицына[9, с. 43]. Она обращает внимание на разные приоритеты разных поколений жителей «народных демократий». Исследователь указывает на то, что сфера частной жизни для второго послевоенного поколения гораздо важнее, чем для предыдущего. Ростки предпринимательства, появившиеся в 1970-е гг. в Польше и Венгрии, предоставили населению этих стран дополнительный источник доходов, открывая реальную возможность роста стандартов потребления. Н.В. Коровицына предполагает, что установка эгалитаризма у населения в 1980-е гг. сменилась на антиэгалитарную [9, с. 45–47].

В Румынии, Болгарии и Албании до распада СССР не проводилось никаких значительных экономических реформ [2, с. 37, 49]. В Венгрии же Я. Кадар реализовывал «гуляшный коммунизм» – социальную модель, которая позволяла венграм заниматься предпринимательством. Венгрия отказалась от планирования в пользу «рыночного социализма», введя ещё в 1968 г. «новый экономический механизм»[1, с. 87].

К сожалению, нет возможности сделать заключение о том, как социальная напряжённость в регионе зависела от безработицы или неполной занятости населения, т.к. согласно официальным национальным источникам, в странах переходного типа безработицы до 1990 г. не было [10, с. 19]. Однако определённые предположения о связи социальной напряжённости в Чехословакии со сферой занятости сделать можно. Дело в том, что в Чехословакии ещё в 1980 году начались попытки по упрощению и либерализации системы оплаты труда с целью выработки более рациональной формы расчёта заработной платы. Но за целое десятилетие, вплоть до «бархатной» революции 1989 г. эти попытки не привели к справедливой системе оплаты, учитывающей уровень цен [11, с. 49–50]. Получилось, что проблема стала актуальной, но не была решена старым режимом. Долгое время общество сталкивалось с реформой, которая не приводила к нужному результату, что могло вызывать недовольство среди трудящихся.

О социальных проблемах в Венгрии и ГДР может свидетельствовать то, что до 1989 г. Венгрию ежегодно нелегально покидало 4–5 тыс. человек [12, с. 184], а из ГДР в 1989 г. разными путями на Запад выехало 343 тыс. человек [13, с. 40].

К концу 1980-х гг. кризис в Польше преодолеть не удалось: национальный доход в 1988 г. на душу населения, а также фонд потребления не достигли уровня 1978 г. [14, с. 14–15]. В Польше трудности в социально-экономическом положении были несколько больше, чем в Чехословакии, ГДР и Венгрии. По оценке первого

польского посткоммунистического правительства Т. Мазовецкого, значительная часть доходов населения в 1989 г. не имела покрытия в товарах и услугах [15, с. 125].

Я. Ростовский характеризует экономики Польши и Венгрии как «рыночный социализм» и приводит данные об инфляции за 1988 г.: 17 % в Венгрии и 60 % в Польше [16, с. 59]. П.Г. Лукьянов пишет, что в 1980-е гг. Албания, Польша, Болгария и Румыния переживали хронические продовольственные кризисы [6, с. 24].

Польский исследователь экономической трансформации Р. Полински пишет, что в 1989 г. уже 20 % ВВП Польши было произведено в частном секторе, причём половина из этого малыми и средними предприятиями вне сельскохозяйственного сектора [17, с. 43]. Он полагает, что ситуация с венгерской экономикой была схожей. Ранние экономические реформы в Польше и Венгрии предоставили большие права и большую власть работникам предприятий. В политическом плане это имело два следствия: во-первых, подготовленность населения стран региона к рыночным реформам; во-вторых, ускорило создания групп интересов из широких слоёв общества. В таких же странах, как ГДР и Чехословакия, напротив, трудящиеся были практически лишены прав участия в управлении собственностью [18, с. 15].

В Польше и Венгрии была оптимальная база для «бархатной революции», в Чехословакии и ГДР процесс её формирования сопровождался определёнными трудностями. Для подобных революций нужна социальная база со значительной «серой зоной». Этот термин введён в оборот соратницей В. Гавела по диссидентскому движению, социологом И. Шикловой для обозначения большинства – внешне лояльного, но внутренне недовольного ситуацией, не готового к самостоятельным действиям против режима, но способного при случае поддержать такие действия со стороны небольшой группы активных антикоммунистов. Исследователь этого вопроса Я.В. Шимов полагает, что вплоть до самого конца 1980-х гг. баланс сил в Чехословакии – в отличие от Венгрии и Польши – складывался не в пользу противников коммунизма [19, с. 92]. Это же справедливо отнести и к ГДР, где оппозиции удалось форсированными темпами мобилизовать «серую зону», когда уже появилась альтернатива объединения Германии. Ещё менее для «бархатной» революции подходила социальная обстановка в Болгарии, Румынии, а также Албании.

Таким образом, социально-экономические предпосылки привели к благоприятной для «бархатных» революций ситуации в большинстве

стран ЦЮВЕ. В соответствии с моделью перехода от авторитаризма к демократии американского политолога А. Пшеворского были выполнены все 3 условия [20, с. 109–110]. Во-первых, состоялся союз «реформаторов во власти» с «умеренными в обществе», который был возможен благодаря сохранению многопартийности в странах «народной демократии» и участию в «народных фронтах» организаций, представляющих разные группы общества. Во-вторых, у реформаторов появилась возможность нейтрализовать «сторонников твёрдой линии во власти» из-за опасений последней ухудшения ситуации в экономике. В третьих, умеренные могли контролировать радикалов благодаря тому, что в большинстве стран социально-экономическое положение не стало катастрофичным.

Источники и литература:

1. Эстрин, С. Политическая экономия преобразований / С. Эстрин // Рынок труда и социальная политика в Центральной и Восточной Европе / под ред. Н. Барра. – М., 1997. – С. 85–114.
2. Герасимова, Р.Г. Сравнительный анализ экономического развития и рыночных реформ в странах с переходной экономикой в 1990 – 2009 годы: монография / Р.Г. Герасимова. – М.: Инфа-М, 2012. – 180 с.
3. Ушкалов, И.Г. Восточная Европа: реалии и пути обновления / И.Г. Ушкалов. – М.: Знание, 1990. – 63 с.
4. Бальцерович, Л. Социализм, капитализм, трансформация / Л. Бальцерович : [пер. с пол. Н.И. Бухарина]. – М., 1999. – 350 с.
5. Дегтярь, Л. Социальные аспекты постсоциалистической трансформации в странах Центральной и Восточной Европы /Л. Дегтярь // Социальная политика в постсоциалистическом обществе / В. Матвиенко [и др.]. – М., 2001. – С. 620–643.
6. Лукьянов, П.Г. Новейшая история стран Центральной и Восточной Европы (1944 – 2000 гг.): Учеб. пособие для студентов ист. специальностей вузов / П.Г. Лукьянов. – Могилев: Могилев. гос. ун-т, 2002. – 351 с.
7. Желицки, Б. Й. Общая эрозия «реального социализма» и Венгрия конца 80-х годов. Предпосылки и причины революционной ломки / Б.Й. Желицки // Революции 1989 года в странах Центральной (Восточной) Европы. Взгляд через десятилетие / отв. ред. Г.Н. Севостьянов. – М., 2001. – С. 89–98.
8. Общественные трансформации в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (90-е годы XX века – начало XXI столетия) / [отв. ред. Ю.С. Новопашин]. – М.: Институт славяноведения РАН, 2008. – 354 с.
9. Коровицына, Н.В. «Бархатные революции как феномен массового сознания восточноевропейцев / Н.В. Коровицына // Революции 1989 года в странах Центральной (Восточной) Европы. Взгляд через десятилетие / отв. ред. Г.Н. Севастьянов. – М., 2001. – С. 43–55.
10. Хоффман, А. Учёт тенденций в сфере занятости, нехватки рабочей силы и квалифицированных кадров в странах переходного типа / А. Хоффман, И. Чернышев

// Статистика труда для стран с переходной экономикой / под ред. И. Чернышева. – М., 1996. – С. 17–28.

11. Кукс, Я. О стратегии реформы систем классификации оплаты труда в странах Центральной и Восточной Европы / Я.О. Кукс // Статистика труда для стран с переходной экономикой / под ред. И. Чернышева. – М., 1996. – С. 48–56.

12. Данилов, А.Н. Переходное общество. Проблемы системной трансформации. – Минск: ООО «Харвест», 1998. – 429 с.

13. Лукьянов, П.Г. Страницы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы, 1989 – 1997 гг. / П.Г. Лукьянов. – Могилев, 2003. – 88 с.

14. Васильева, Л.Д. Преобразования в Республике Польша: новый путь развития? / Л.Д. Васильева // Восточная Европа в современном мире: экономические, социальные и политические проблемы / под ред. В.С. Будкина. – Киев, 1990. – С. 14–16.

15. Отчёт о деятельности правительства 12 сентября 1989 г. – 10 декабря 1990 г. // Восточная Европа на новом пути / [под ред. Л.Н. Шаншиевой]. – М., 1994. – С. 120 – 125.

16. Ростовский, Я. Макроэкономическая нестабильность в посткоммунистических странах Центральной и Восточной Европы / Я. Ростовский. – М., 1997. – 463 с.

17. Полиньски, Р. Трансформация экономических систем в Центральной и Восточной Европе / Р. Полиньски. – Минск : Право и экономика, 2004. – 256 с.

18. Глинка, С. Приватизационные процессы в трансформируемых странах: теория и практика / С. Глинка // Приватизация в странах Центральной и Восточной Европы: первые результаты / РАН, Ин-т междунар. экон. и полит. исслед. – М., 1998. – 220 с.

19. Шимов, Я. Перекресток. Центральная Европа на рубеже тысячелетий / Я. Шимов. – М., 2002. – 102 с.

20. Пшеворский, А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке / А. Пшеворский; пер. с англ.; под ред. В.А. Божанова. – М. : РОССПЭН, 2000 – 320 с.